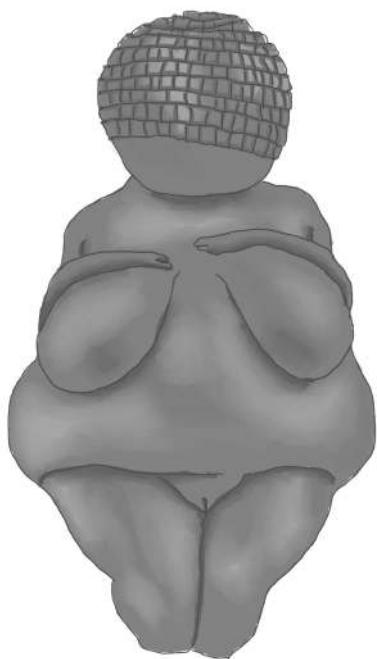

ВИКТОР ПЕЛЕВИЧ

ВИКТОР ПЕЛЕВИН
TRANSHUMANISM INC.

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

В оформлении использованы работы
В. О. Пелевина «Здравствуй, сестра»,
«Гурия №7» и «Ночь в Фонтенбло»

Пелевин, Виктор Олегович.
П24 TRANSHUMANISM INC. / Виктор Пелевин. — Москва : Эксмо, 2024. — 608 с. — (Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин).

ISBN 978-5-04-123118-7

В будущем богатые люди смогут отделить свой мозг от стареющего тела — и станут жить почти вечно в особом «баночном» измерении. Туда уйдут вожди, мировые олигархи и архитекторы миропорядка. Там будет возможно все.

Но в «банку» пустят не каждого. На земле останется зеленая посткарбоновая цивилизация, уменьшенная до размеров обслуживающего персонала, и слуги-биороботы.

Кто и как будет бороться за власть в этом архаично-футуристическом мире победившего матриархата? К чему будут стремиться очипованные люди? Какими станут межпоколенческие проблемы, когда для поколений перестанет хватать букв? И, самое главное, какой будет любовь?

Если вы не читали Виктора Пелевина, этот невероятный роман — ваша дверь в его вселенную. Знакомых с его книгами ждет мир через два века после «iPhuck-10», напоминающая о «Жизни Насекомых» композиция — и много интересного о технологиях зеленого вампиризма.

В связи с нравственным возрождением нашего общества в книге нет мата, но автору все равно удается сказать правду о самом главном.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-123118-7

© В. О. Пелевин, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Ты поверь в иную жизнь на другой меже...

TRANSHUMANISM INC.

Главный вопрос, который ставит перед нами будущее — это кого туда пустить.

*Атон Гольденштерн, CEO,
TRANSHUMANISM INC.*

ГОЛЬДЕНШТЕРН ВСЕ

С чего начинается человек? С ранних детских впечатлений, сказал бы кукухотерапевт. И был бы прав.

Недалеко от фермы, где Маня встречала новый 206 год Green Power, затаилась в лесу старая шахта. Напоминание об одной из утерянных начальством россияй – круглая военная пропасть времен карбоновых войн, похожая своим бетонным надгробием на перевернутую фуражку: металлический кант по краю, треснутая тулья и ржавый козырек.

Кажется, при первых Михалковых-Ашкеназах, или даже еще раньше, тут был один из боевых парниковых генераторов. Но достоверных сведений об этом не сохранилось – остались только впадины букв на бетоне, краску из которых давно вымыли дожди:

**УДАР ПО ГОЛЬФСТРИМУ –
УДАР ПО АТЛАНТИЗМУ!**

Когда маленькая Маня гостила на ферме у тетки, она часто ходила сюда с ребятами бросать вниз бутылки и камни. На краю шахты

было почти так же страшно, как на верхушке заброшенного ветряка. Шахта была как бы ветряком со знаком минус.

После броска возникала долгая пауза, и снизу долетал тихий чпок или чмок. Шахта была глубокой — тетка рассказывала, что дыру много раз пытались залить бетоном, но он все время куда-то утекал. Сосчитать, сколько именно утекло, было трудно, и бетон продавали налево, списывая воровство на бездонную пропасть. В конце концов власти махнули рукой и просто огородили бездну колючкой. В которой сразу же наделали дыр, сохранившихся в неприкосновенности до самого совершеннолетия Мани.

Впрочем, это могли быть уже другие дыры, сделанные кем-то в другой проволоке. Все течет, все меняется и остается таким, как было. Дважды войти в одну реку нельзя, а вот состариться и подохнуть на ее берегу без особого труда удастся любому — и не надо даже особо вникать, тот это берег или нет.

Граффити на подмороженном бетоне остались прежними: ГШ-слово в разных падежах и употреблениях (чего еще ждать от русской провинции), непристойности, глупые рисунки. Маня сама когда-то писала здесь подобное. Правда, до ГШ-слова не опускалась — не из такой была семья.

В общем, привет тебе, шахта.

Маня перегнулась через бетонный околыш, глянула во тьму — и бросила туда принесенную с фермы пустую бутылку. Прошло томительно много времени — а потом далеко внизу что-то не то хрустнуло, не то плеснуло. Тонкий ледок и жижа под ним, если судить по звуку. Так же, как десять лет назад.

Прощальная жертва детству была принесена. По дороге назад на ферму Маня весело думала, что ее *фрактальной родиной*, про которую так любят говорить в лицее, была не теткина ферма, а эта вот шахта и кусты.

На ферме ждали сразу два сюрприза. Прямо сюда прибыли подарки: дорогушая новая кукуха от отца и персональная поздравительная поэма, присланная московским лицеем «к 206 AV» (отсчет времени в лицее вели на латыни).

Поэма, написанная не нейросетью, а живым филологическим коучем, обыгрывала имя Мани — вернее, его созвучие со словом «money». Чтобы поглядеть, как коуч читает, Маня надела смарт-линзы. Коуч был смешной: старый, плешивый, седой, из какого-то совсем древнего поколения — даже не друмеров, а крумеров, или вообще брумеров. Он слегка заикался, а в слинзах вдобавок еще и двоился, что казалось его персональным недостатком.

— Все мальчики и девочки в наше время влюблены первым делом в деньги, и это нормально, — сказал он, протягивая Мане фаль-

шивый электронный букет (растворившийся в пространстве, достигнув ее предполагаемой руки). — У тебя будет много поклонников и поклонниц, Маня. Как не полюбить существо, фонетически совпадающее с сердцем всемирного либидо... Особенно когда это существо такое милое, как ты...

Сказав эту сложность, коуч сморщился, сложил пальцы шепотью и запел:

— Моя Маня как money,
Мои money как Маня.
Меня манною мая
Маня манит, ня-ня...

В поэме было восемнадцать сладких четверостиший с плывущим размером. Маня узнала, что был такой бог Мани. Услышала тибетскую мантру «Ом мани падме хум», где слово «мани» означало «драгоценность». Выяснила, что когда-то существовала целая секта манихеев, поклонявшихся звуку ее имени.

Маня, Маняша — это и правда звучало денежно и волшебно, словно она была тем самым мифологическим существом, чье прикосновение превращает в золото.

Ах, вашими бы молитвами...

Стихи для поздравлений нормально писала и нейросеть-трешка, но получить их от живого филолога было, конечно, престижней. Ясно, что не всякая семья оплатит. Для Контактон

такой прикол – минимум на уровне фото в шубе из безубойной норки. Но вообще-то филокоуч давно отжил свое: его держали в лицее для шика, примерно как швейцара с длинной волнистой бородой (Маня видела такого в гостинице, когда ездила с мамой в Петербург).

Гораздо больше, чем стихами, Мане хотелось похвастаться перед кем-нибудь своей новой кукухой. До лицея оставалось еще несколько дней, тетка в таких вопросах не рублила, мама свой восторг уже выразила дистанционно, а холопам с фермы было, ясное дело, плевать. Они просто не понимали, что это – только радостно мычали из-под грязных марлевых масок.

Поэтому, наверно, Маня упросила тетку пустить на двор скоморохов. Хотя хвастаться кукухой перед ними было еще глупее, чем перед холопами: скоморохи жили нелегально, без кукух и имплантов, стоявших в черепах даже у кочевых тартаренов. Скоморохи обитали на таком дне бытия, что закону было лень за ними нагибаться.

Но вот захотелось живописного и смелого. Припасть в ознакомительных целях к народной груди, чтобы было о чем рассказать в лицее. Ну и припала.

Скоморохов было трое: немолодые, с помятыми похмельными лицами, в одинаковых военных полушубках из синтетического ме-

ха — без погон, зато с настоящими дырочками от пуль. Купили, скорей всего, у кочевых. Или тартарены так расплатились за выступление. Старший из скоморохов, здоровый детина с цыганистыми усами, действительно походил в этом наряде на военного.

Тетка разрешила им занести на двор только музыку — пусть нечипованая лошадь с телегой ждет за воротами. Скоморохи постелили полушубки на снег вместо гимнастических матов и остались в тонких шерстяных трико. Завоняло давно не мытой человечиною, заухал бум-балалай — и целый час скоморохи кувыр-кались, пели и жонглировали мандаринами, обернутыми зеленой фольгой.

— Все идет по пла-а-ану!
Все идет по пла-а-ану!

Потом начались старинные наглые частушки:

— Шел я лесом-камышом,
Вижу — девка нагишом!
Девка, хау ду ю ду?
Покажи свою ми ту!

Тетка наморщила губы, обросшие седым климактериальным мхом.

— Ой, про «me too» прилетело... Держите меня, девочки... В каком они веке-то остались?

Все это было терпимо и даже, как выражался филологический коуч, *былинно* — скоморохов любили именно за эти плевочки радиоактивного карбонового фольклора. Но потом они переключили свой бум-балалай в режим гуслей, бухнулись на колени, уперли бряклые глаза в тучи — и запели про Гольденштерна.

Кому же еще гнать про Гольденштерна, как не скоморохам-бескукушникам? У них проблем не будет. У них все проблемы уже есть.

Былина, как у них это называется, или плач. Сначала слушать было интересно.

Мол, стонала Русь под половцами, стонала под печенегами — но знала врага, видела его лицо и даже со стрелой каленой в груди белая могла изогнуться с седла да полоснуть его в ответ заветной казацкой шашкой.

Потом, значит, приехали супостаты-тевтоны в шлемах с пиками, налетели вороги на бипланах — и почти погубили Русь, почти пригнули ее к земле. Но глянула Русь в небо голубыми глазами, улыбнулась, засмеялась да и пустила ворогов клочками по закоулочкам. Вот только осталась у нее от той битвы на лбу кровавая рана в форме звезды, да и ослабла она сильно.

Потом навалилась вражья рать гуще прежней, с железными тиграми и стальными слонами — и совсем почти раздавили Русь, вмяли гусеницами в сырую глину. Но и оттуда Русь

поднялась, да страшнее прежней в клубах атомного огня, с ярыми очами да мечом-кладенцом неодолимой силы.

И стали тогда дурить Русь разным лукавством, и обдурили полностью – рассыпалась она на части, как телега со сломанной осью. И пропала было Русь, и продалась уже за зеленые фантики, которые неудержимо печатал ворог – но пришли на Русь мудрые вожди. И дали ей новое учение – конкурентоспособность.

Сильна ты, Русь, сказали вожди – сколько вороги ни напечатают зеленых фантиков, все их заработаем честным трудом, так что у нас этих фантиков поболее чем у них станет! И пошла Русь за мудрыми вождями, и набрала много-много фантиков, да вороги догадались, к чему дело идет – и поймали Русь в сеть.

Трепыхнулась она раз, трепыхнулась два – да больно крепко держало вервие. И увидела Русь, что не одна она уловлена той колдовской сетью, а вместе со всем миром. И плыла она скованная в море слез сто долгих лет – русалка белая, китовица чистая, рыба святая – а потом поднялся к сети из темных глубин жидовин Гольденштерн и сказал русским вождям: идите ко мне в банку!

Дам я вам счастье такое, какого вы в жизни не ведали, радость небесную, благодать вечную... И дрогнули русские вожди, и пош-

ли к Гольденштерну в банку, оставили святую Русь. Но не только на Руси так было — вожди всех земель нырнули в банки и оставили свои королевства, и воцарился жидовин Гольденштерн над миром один, и стал сосать кровь клопом окаянным, и когда наказание то кончится, никому не ведомо...

Бум-балалай издал последнюю руладу и затих. Скоморохи стояли на коленях, понунив головы, и ветерок шевелил их длинные чубы. Сколько в тех чубах, должно быть, вшей...

К этому времени Маня с теткой перебрались к окнам горницы второго этажа — сюда вонь не долетала. Надо было реагировать: плач о Гольденштерне слышали не только они, но и кукухи.

Тетка чуть заметно кивнула — мол, давай сперва ты, девочка. Маняша, конечно, знала, что говорить, и даже чувствовала молодое кобылье нетерпение. Сказать можно было много.

— Видите ли, господа скоморохи, — начала она, — самое мерзкое в той процедуре, которой вы нас подвергли — это не контакт с пещерным смрадом вашего конспирологического сознания, а то, что даже конспирологию свою вы знаете на двойку с минусом. Ну почему, спрашивается, «жидовин Гольденштерн»? Учите матчасть! Гольденштерн — если на секунду допустить, что он вообще есть, а это отдельная

тема — не еврей и никогда им не был. Отнюдь. Он, если вам так важно, швед. Есть сотни конспирологических сайтов и веток, и там подробно объяснено, откуда взялись фамилии Гильденстерн и Розенкранц и почему Гильденстерн якобы стал Гольденштерном... Если уж взялись врать, так хоть врите умеючи. Но вам лишь бы жидовина где-нибудь обнаружить...

Девку от многоумия повело не в ту степь. Тетка ущипнула ее за попу и вмешалась:

— А если короче, мы в такие детали даже и входить не будем. У нас на дворе порядок простой — кто тут скажет ГШ-слово, получает от ворот поворот. Сразу. Так что валите отсюда подобра-поздорову, мудрецы-конспирологи, а еще раз ГШ-слово услышим, вызовем дроны. Тут база претория недалеко... Мерзавцы какие, а? Ушлепки. Говноеды вонючие...

Одновременно тетка скинула скоморохам в снег батон колбасы, круг сыра, бумажную иконку и несколько ярких подарочных карточек с сетевым кредитом — на такие можно было выменять у кочевых еды. Скоморохи молча подняли подарки из снега, жилистый усач взвалил на спину бум-балалай — и они поплелись со двора к телеге.

Все, конечно, хорошо понимали друг друга. Симбиоз. Скоморохи пели про Гольденштерна главным образом для того, чтобы хозяева мог-

ли обругать их последними словами, показав благонамеренность своим кукухам.

Лайфхак номер один – быстро поднять социальный индекс проще всего, вознегодовав, когда рядом скажут ГШ-слово. С этого скоморохи, в общем, и живут. В социальном плане им терять нечего. Споят, выдадут ГШ-слово в разных расфасовках, послушают молча, как их кроют, подберут жратву из грязи – и в лес.

Но Маньку понесло не в ту степь: три раза сказала ГШ-слово, да еще и призналась, что шарит по ГШ-веткам. И хоть лазукают по ним в ее возрасте все, и говорила она из самых лучших намерений, все равно напортачила.

Кукуха не вникает, кукуха считает. А ГШ-слово – это ГШ-слово и есть.

Ведь был в букваре стишок: как резать правду-матку? А не играй с правдой в прятки. Не режь фигурно, не режь фактурно, а излагай прямо, как папа и мама. Или, если сказать взрослой прозой, система восторженного визга не понимает...

Ой, молодо-зелено. Восемнадцать лет.

– Хорошо, что уезжаешь скоро, – сказала тетка за чаем. – Пока тебя в Благородном собрании какой-нибудь местный ухарь не заклеил. Они, поди, уже воют от холопок...

– Фу, – ответила Маня. – Как можно так говорить.

— Вот те и фу. В восемнадцать любая девка думает, что мир — это театр, а она в нем Джульетту играет, по себе помню. А мир вовсе не театр, милая. Мир — это тир. И люди в нем не актеры, а мишени...

*

По закону в восемнадцать лет Маня могла наконец выставить в сеть свою *голограмму*. Она даже немного с этим запоздала. Сибирская ферма была для съемок гораздо более интересным фоном, чем средней руки московская усадьба, где она жила вместе с мамой — и Маня убила весь последний сибирский день на съемки.

Голограмма... Смешное и волнующее слово, с которого начинается личная жизнь. На уроках объясняли в качестве курьеза, что лет двести или триста назад у термина было другое значение. Так называли ветхую 3D-технологию. Еще Маня запомнила, что слово «гомик» означало когда-то не «*homo sapiens*» — то есть человека без баночных перспектив — а гея, и происходило от другого латинизма. Все уже было когда-то в прошлом, но немного по-другому.

Маня лепила голограмму долго и вдохновенно — благо образцов в Контактоне было предостаточно.

Начиналось все с зеркала. Маня отражалась в нем по плечи — в грубой черной повязке на

глазах (крашенная мешковина, специально разрезанная рвущими ткань тупыми ножницами), с голой шеей. Голая шея – это суперсексуально: такими девушек не видит почти никто. Разве что зеркало при смене кукухи. Ну или патологоанатом.

Потом из-под повязки на щеку стекла маленькая капелька крови. Уместный намек – одновременно на женское недомогание и притеснения властей: дважды верная нота уже лет так триста. Если голограмму вдруг посмотрят в зонах «Азия» или «Америка», поймут, что девушка передовая, притесненная и следит за трендами (это насчет мешковины).

Затем в зеркале появлялись пальцы Мани, аккуратно держащие новую кукуху – и сомнительная амбивалентность предыдущего кадра снималась: голая шея именно потому, что девушка меняет ошейник, а повязка – поскольку действует строго по медицинской инструкции, хотя и страдает под ее игом.

Прежней кукухой Маня хвастаться не стала бы. Черные черепа и звезды, обычный фрумерский понт, но для дочери банкира дешевка. Да и поколение фрумеров в целом было чуть постарше, просто для ее возраста отдельного тэга не выкатили. Так что сливаться с поколением особого резона не было. А вот новой кукухой похвастаться стоило. Это была дорогая кастом-

ная вещь — и в следующем кадре она наплывала на зрителя.

Бусы из прочно сцепленных золотых и серебряных яблочек, чередующихся через раз. Яблочки надкушены — одно входит в выемку другого. Настоящее золото, белое и желтое, сверхпрочная углеволоконная нить, несколько бесполезных мелких бриллиантов среди сенсорных зрачков — в общем, реально ценная вещь (ювелирные и технические параметры кукухи в это время высвечивались мелким шрифтом в правом верхнем углу кадра). Не каждый папа такую подарит.

Замочек кукухи солидно щелкал, и Маня — все еще в повязке на глазах — снова появлялась в зеркале. Теперь она надевала на шею зарядку. Тоже вполне стильную — из синих и зеленых камней, перемежающихся маленькими медными колечками. В этих медных колечках и было все дело — вместе с ними выходило три металла. Это было модно уже не первый год, и Маня снова была в тренде. У нее было еще одно аккумуляторное ожерелье как бы из деревянных палочек — оно висело сбоку от зеркала и тоже появлялось в кадре. Но бирюзовое было круче и смотрелось с новой кукухой гораздо шикарнее.

Только потом Маня снимала с глаз повязку и непокорно взмахивала головой, посылая по